

Николай Васильевич Аввакумов

Первые залпы войны

Николай Васильевич Аввакумов

Первые залпы войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161532

Первые залпы войны:

Аннотация

Бесхитростные воспоминания участника первых боев с фашистами составили основу этой книги. Отступление, паника и сумятица первых дней войны, окружения, чередующиеся с краткими прорывами, чувства молодого солдата – все это пропущено через сердце автора и потому найдет путь к сердцу читателя. В книге много мелких на первый взгляд деталей, описаний, которые и помогают представить современному человеку страшные картины 41-го года.

Об авторе: Николай Васильевич Аввакумов родился в 1921 году. Его детские годы прошли в деревне Мало-Белоносово, Покровского района, Свердловской области. Одногодки Николая Васильевича больше всего пострадали от войны. Ведь они приняли первые удары гитлеровских войск и действовали в самый трудный ее период, сдерживая натиск врага. И те из них, кто остался в живых, завершили войну победой. В их числе был Николай Васильевич. Он с боями прошел от Каунаса до села Белый Бор, находящегося недалеко от Великих Лук. Тяжелое ранение вывело Аввакумова из строя. Вернувшись в Свердловск инвалидом III группы, Николай

Васильевич поступает на один из заводов. В 1946 году с отличием заканчивает Уральский политехнический техникум, затем работает на различных предприятиях города и стройках. В 1963 году новое несчастье – Николай Васильевич получил тяжелую травму. Ранение на фронте и эта травма делают свое дело: отнялись руки и ноги... Но он не сдался, усиленно занимаясь гимнастикой и тренировками. Упорство и сильный характер были вознаграждены: он научился на пишущей машинке выстукивать слова. Подняв письма, которые писал с фронта, дневниковые записи, Николай Васильевич решил описать то, свидетелем и участником чего был в Великой Отечественной войне, что пережил и испытал сам. В результате родились воспоминания – «Первые залпы войны». Все мы знаем, как в начальный период войны скупой награждали орденами и медалями. Но даже за те месяцы первых сражений, в которых участвовал Аввакумов, он награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями.

Содержание

Накануне	5
Будет – не будет	12
Крещение	23
Бой за станцией	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Васильевич Аввакумов

Первые залпы войны

Накануне

Шел июнь 1941 года. Наш 41-й мотострелковый полк 84-й дивизии 11-й армии в то время находился в лагере. Располагались мы на берегу небольшой речушки, притока реки Вилии. Палатки полковой школы, в которой я числился курсантом, были разбиты рядом с расположением рот второго батальона. Это не случайно. Как объявили нам еще до выезда в лагерь, во время полковых учений и в случае боя школа должна действовать со вторым батальоном на правах самостоятельного подразделения.

Но главная задача школы состояла в подготовке младших командиров. Поэтому программа боевой подготовки была обширней, чем в других подразделениях, а требования к курсантам значительно выше, чем к бойцам батальонов. В курсанты нас зачислили после двух месяцев службы в обычных ротах. В школу отбирали рослых, физически развитых ребят с образованием 6–7 классов и выше, которые за короткий срок службы сумели себя показать положительно. Для

тех лет 6–7 классов средней школы считалось высоким образовательным уровнем. Были бойцы, которые с трудом писали и читали. Нам, «образованным», приходилось по их просьбе «сочинять» письма к их родным и любимым.

Помощники командиров взводов и командиры отделений школы в основном подобрались из тех, кто успел понюхать пороху в финскую кампанию, из сверхсрочников. У нас помощником командира взвода был старший сержант Бродов. Он по гражданской специальности учитель. Наверное, это и помогало ему четко, доходчиво вести занятия, находить подход к каждому, хотя все мы были разными. Авторитет Бродова был настолько непререкаем, что никто не мог ему лгать, а в случае душевных невзгод обращались не к кому-нибудь, а к старшему сержанту за советом. Он строго требовал с подчиненных, ко всем относился одинаково и при этом никого не унижал и никому не позволял смеяться над товарищами.

Командир взвода лейтенант Рожков все строевые занятия и занятия по изучению матчасти оружия поручал вести Бродову. И мы понимали почему. Лейтенант, как мы узнали, был сыном какого-то крупного военного и готовился поступать в военную академию. К тому же он прекрасно понимал, что в знаниях и умении вести занятия он не мог равняться со старшим сержантом.

Бродов был высок, широкоплеч, спортивного сложения, всегда сохранял идеальную военную выправку. Глубокий шрам на правой щеке от пули белофинского снайпера не

уродовал лица, а придавал ему суровый и благородный вид. Мы с восхищением смотрели на своего командира, когда он показывал приемы штыкового боя. Казалось, нет человека, который бы смог одолеть Бродова в штыковом бою. В его руках трехлинейка мелькала словно игрушка. В строевой подготовке ему тоже не было равных. Особенно поражали нас четкость и отточенность движений, когда Бродов брал винтовку «на руку!» и шагал строевым шагом. Поднимая ногу с оттянутым носком на высоту 45 сантиметров, не сгибая колена, как требовалось тогда по строевому уставу, он четко чеканил шаг. При виде этого мы представляли, как шагали наши бойцы по Красной площади на праздничных парадах. Бродов для нас тогда был как бы сошедшим с кинокадров тех лет.

При изучении матчасти оружия старший сержант ловко разбирал и собирал винтовку, автомат и пулемет.

Его движения были доведены до автоматизма. После каждой операции Бродов делал секундную паузу, чтобы курсанты могли лучше запомнить их.

Однажды он продемонстрировал сборку и разборку винтовки с завязанными глазами. Мы засекали время и попытались повторить его скорость, не завязывая глаза. Но, увы, никому не удалось даже приблизиться ко времени, за которое наш командир собирает и разбирает оружие. Бродов разъяснил, что в этом нет ничего особенного. Надо при разборке каждую деталь класть в определенном порядке, а остальное

зависит от тренировки и старания.

Дни в лагере проходили в напряженной боевой подготовке. Кроме винтовки Мосина (трехлинейки) мы изучали автомат ППД и самозарядную винтовку Симонова. Новое оружие, которое мы впервые увидели в киножурнале, показывающем парад в Москве, не пользовалось большой популярностью у старых военных. Те, кто побывал на финской, жаловались на ППД. Особенно они были недовольны пружиной диска, сделанной из тонкой проволоки. Она оказалась слабой и часто ломалась в местах, пораженных ржавчиной, отчего случалось много отказов. Капризной была и самозарядная винтовка. Ее в основном использовали как снайперскую.

Бродов отлично знал это оружие. Однажды даже показал, как можно стрелять очередями из самозарядной винтовки, защебив спичкой шептало. Но он не рекомендовал пользоваться этим способом, так как в диске винтовки всего 10 патронов и к тому же это может вызвать разные задержки.

В лагере постоянно практиковались броски по тревоге. В первое время многие курсанты не выдерживали темпов, которые задавал командир полковой школы майор Сидоренко. Мы знали, что он кадровый военный, долгое время служил в инженерных войсках. Награжден медалью «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Сидоренко был лет сорока, небольшого роста, с брюшком, добрейшим выражением лица. Он внешне походил больше на интенданта, чем на строевого командира. Но в пеших бросках ходил, как выра-

жались курсанты, словно лось. Длинноногий и худой лейтенант Рожков едва поспевал за ним. А Сидоренко через каждую пару километров пути останавливался и подгонял отставших.

– Подтянитесь, подтянитесь! Не отставать, не отставать! – звонким голосом торопил он курсантов. Затем догонял голову колонны и снова взвинчивал темпы. Броски обычно заканчивались занятием обороны или исходного рубежа для наступления. Вот тут-то Сидоренко выжимал из нас семь потов. Он давал команду на занятие рубежа и окапывание, а сам засекал время. Доставалось тем, кто неправильно выбирал место для окопа или хотел «схалтурить», то есть сделать окоп мельче или уже. Командир учебной роты на глаз определял размеры окопа, но всегда имел при себе рулетку. Она служила ему для того, чтобы доказать курсанту, что тот ошибся. Когда кто-то пытался оправдаться, что у него нет такой рулетки, майор говорил, что у бойца всегда при себе имеется много средств, чтобы с наименьшим допуском определить размеры.

– Надо знать длину малой саперной лопаты, длину патрона, штыка, следа своей обуви. Тогда можно и без рулетки все разметить. Находчивость, солдатская находчивость нужна, – говорил майор.

Больше всех доставалось тем, кто неправильно выбирал себе рубеж. Помню, однажды я делал окоп в полный рост. Сидоренко несколько раз молча проходил мимо и ничего не

говорил. Я постарался на совесть. Окоп делал с любовью, по всем правилам, промеряя его размеры. Когда я все закончил и обложил бруствер дерном, майор снова оказался рядом и спросил меня:

– Курсант Аввакумов, сколько вы намерены продержаться в этом окопе?

– Буду держать оборону, пока не кончатся боеприпасы, а затем отбиваться штыком.

– Не придется вам штыком отбиваться. Противник вас уничтожит в первые минуты боя. Он показал на лощинку, которая проходила в 20 метрах от окопа.

– Вот по этой лощинке противник подползет незаметным и уничтожит тебя гранатой, – пояснил майор. Он подробно разобрал невыгодное расположение моего окопа, указал на то, что сектор обстрела из него очень узкий и связь с товарищами по отделению тоже не идеальная. И тут же приказал мне определить подходящее место для окопа и выкопать заново. Поработать мне пришлось изрядно. Но урок, полученный от Сидоренко, запомнился основательно.

– Тяжело в ученье – легко в бою, – постоянно напоминал нам Сидоренко, за что мы прозвали его Суворовым. А за его внешний вид называли еще Колобком. Но все мы уважали своего командира. Он был простой, отзывчивый, внимательный к подчиненным.

Один курсант получил письмо, где сообщалось о том, что у него заболел отец, а дом, где живет семья, требовал серьез-

ного ремонта. Парень ходил сам не свой, ни с кем не делился горем. Это заметил майор, в беседе сумел вызвать курсанта на откровенность. Парень показал письмо. Майор попросил курсанта написать рапорт об отпуске. Хотя отпуск не был положен, Сидоренко сумел убедить командира полка отпустить курсанта домой на 15 дней. Этого времени хватило, чтобы подремонтировать дом.

Любил майор песни и сам неплохо пел. Запевал для взвода, подбирая лично и прослушивал их. У каждого взвода была своя коронная песня и своя у роты. На вечерней прогулке мы всегда пели:

Наша школа, школа командиров,
Младший комсостав полка...

Трое «свистунов» сопровождали припев лихим присвистом. Командир полка не раз объявлял роте благодарность за хорошую песню. Когда усталые подразделения возвращались с полковых учений, командир полка на своей «эмке» подъезжал к нашей роте и, обращаясь к Сидоренко, говорил:

– Взбодри, майор, бойцов. Пусть твои молодцы хорошую строевую оторвут.

А Сидоренко словно ждал этого. Вместе с запевалой сержантом Федоровым он начинал:

– Распрягайте, хлопцы, коней, – или другую лихую песню.

Будет – не будет

Еще до выезда в лагерь, находясь в военном городке, мы много слышали о том, что вот-вот начнется война. Жены многих командиров уезжали в глубь страны к родственникам. Чаше и чаще стали говорить о нарушениях границы и других провокациях со стороны фашистской Германии. Хотя политработники и командиры убеждали нас в обратном, но чувствовалось, что они думали так же, как и мы. Смутная тревога и нехорошие предчувствия не покидали нас. А тут еще сержант Федоров, который не мог не петь, в последнее время чаще затягивал грустные песни. Но это не мешало ему мечтать. Он так красочно расписывал нам, как скоро вернется домой, встретится с отцом, матерью, с любимой девушкой и как заживут они после свадьбы. Мы слушали и завидовали ему. Старший сержант Бродов стал часто поговаривать, что устал от службы и скучает по своему учительскому делу.

– Нынче мои ребята уже десятый заканчивать будут. Выросли, возмужали, наверное, не узнаю, – мечтательно, с глубокой грустью говорил он.

Однажды, уже в лагере, во время самоподготовки сержант Федоров взял баян и вместо любимой «Катюши» затянул песню из кинофильма «Большая жизнь» о том, как молодого коногона несут с разбитой головой. Пел с каким-то душевным надрывом, проникновенно, вышибая слезу. Майор Си-

доренко, который в лагере почти неотлучно находился в роте, подошел сзади к Федорову, положил руку на плечо и сказал:

– Хватит, дружок, больше не могу. Заводи веселую. – На глаза командира навертывались слезы. Увидев это, Федоров тут же рванул мехи и начал: «Ты сказала, в понедельник»...

Песню подхватили все. Спели лихо. Но что-то грустное, необъяснимое осталось от этой картины на душе 'у меня и, думаю, у других. Тут пришел дежурный, принес почту и, как водится, заставил плясать счастливичков, которым принес весточки от родных, любимых и знакомых. Получил письмо и я. Написал его брат Иван. Вот оно: «Здравствуй, Коля! Пламенный привет тебе от всей семьи! Живем мы не хуже, чем при тебе. Я заканчиваю седьмой класс. Экзамены сдам. В этом твердо уверен. Пока не решил, что буду делать дальше. Если у родителей будет здоровье, то, может, пойду в восьмой, а нет, то в ремесленное училище, или пойду работать. У бати здоровье-то неважное, пора бы на пенсию, а он все хорохорится, говорит, что до института меня доведет, инженером с высшим образованием сделает. Конечно, учиться – дело неплохое, но и совесть надо иметь. У старика жизнь была нелегкая, сам знаешь. А мы, если надо, можем учиться и заочно. Все думаю: кем быть? Эх, если бы в шоферы попасть удалось, пошел бы, не задумываясь.

У нас часто поговаривают, что может начаться война. Правда это? Батя рассказал, что у них с конного двора строй-

ки забрали лучших лошадей. Говорят, для армии. Со снабжением тоже похудшало. Масло сливочное стали продавать с перебоями. Дают в одни руки по 200 граммов. А так все как будто есть.

С кем же может быть война? С японцами? Неужели Халхин-Гол не пошел впрок? Снова с финнами? Не похоже. Часто поговаривают, что будто бы Германия копит силы на нас. Ты служишь там, около самой границы. Тебе, наверное, лучше знать, что к чему. Нынче картошки мы насадили много. Кроме своего огорода, разделали целину под высоковольтной и засадили там три сотки. Батя сказал, что на всякий случай это нам не повредит, а когда война, всегда голодно. Приедешь в отпуск, наговоримся досыта. А пока до свидания. Жду ответа, как соловей лета. Твой брат Иван».

Письмо, на которое я надеялся, что оно разгонит плохое настроение, наоборот, утвердило во мне мысль, что война все же будет, если уж об этом говорят даже на Урале.

В последнее время нас чаще и чаще призывали проявлять бдительность, читали лекции о том, что мы должны быть в постоянной боевой готовности. Но ответа сомневающимся в том, будет или не будет война, нам никто не давал. Даже старший сержант Бродов, который хорошо разбирался в международной обстановке и отвечал на любые вопросы, уклонялся от ответа на этот. А однажды, когда его спросили в очередной раз, он сказал, что на эту тему прочитает лекцию старший политрук Смирнов. Такая «лекция» вскоре состоялась.

Старший политрук Смирнов раскрыл газету за 14 июня и прочитал нам Заявление ТАСС. В нем опровергались слухи о неизбежности войны между СССР и Германией.

— Большого я вам сообщить не могу, а сейчас спешу в штаб, — уклонился от вопросов Смирнов. По поведению старшего политрука было видно, что он не сомневается в том, что опровергается в Заявлении, но высказать, что думает, не желает.

18 июня были прерваны занятия и объявлена тревога. Старшина Яновский скомандовал: «Рота, в ружье!» Командиры взводов доложили майору Сидоренко о наличии бойцов в строю. А затем перед ротой была поставлена задача. Полковая школа должна марш-броском совершить переход в расположение военного городка. Палатки в лагере не снимать. При себе иметь только крайне необходимое.

Переход совершили за два часа с небольшим. В городке вся техника была приведена в боевую готовность. Нам приказали сжечь все конспекты и наставления. Выдали боеприпасы. После обеда все подразделения полка построились около автомашин, на которых предстояло ехать. Нам объявили, что на днях начнутся армейские учения с боевыми стрельбами и мы должны выехать в поле для подготовки. К вечеру полк выехал и часа через два-три остановился в сосновом лесу, опушкой выходившему к хлебным полям. Сразу же нам приказали рыть траншеи для укрытия от авиации.

Начались жаркие дни учебы. Постоянные пешие марш-

броски, окапывание. Все, что раньше проходили теоретически, сейчас отрабатывалось на практике. Занимались по 10–12 часов в сутки. Наши командиры почти неотлучно находились в подразделениях и спали с нами по-походному, на земле, подостлав под себя нижние ветки деревьев. Верхние ветки, которые помягче нижних, нам рубить не разрешалось, их сохраняли в целях маскировки. Кроме обычных постов вокруг места, где расположился полк, велось постоянное патрулирование. Прошел слух, что группа диверсантов, переодетых в красноармейскую форму, нарушила телефонную связь соседнего с Вильнюсом района, повалив несколько столбов. Нам не разрешалось выходить за опушку леса.

В ночь с 21 на 22 июня в нашей роте была проведена игра «Ночной поиск». К рассвету мы все, промокшие насквозь, возвращались с учений. Все были веселые, впечатлений много, тем для споров, обсуждений предостаточно. Костры нам разжигать запретили, но, чтобы быстрее согреться, разрешили отдыхать на открытом месте на юго-восточном склоне холмика, за опушкой. Старшина объявил, что в связи с ночными занятиями роту поднимут на два часа позже, а воскресенье 22 июня объявляется рабочим днем.

Мы еще не успели заснуть, как со стороны Каунаса донеслись приглушенные взрывы, слившиеся в единый гул.

– Ну вот и начались армейские учения с боевыми стрельбами, прислушиваясь к взрывам, прокомментировал сержант Федоров. Но уставших ребят больше интересовал сон,

и поэтому не все обратили внимание на взрывы.

Утро 22 июня началось для нас с политинформации. Старший сержант Бродов пересказывал материалы из центральных газет о наиболее важных событиях жизни страны. В это время над лесом почти на бреющем полете пролетело несколько самолетов. Поскольку деревья скрывали от нас небо, мы не увидели, что это были за самолеты. Закончив политинформацию, Бродов объявил перерыв на 10 минут. Но он затянулся почти на полчаса, так как следующие по объявленному расписанию занятия должен проводить майор Сидоренко, но его где-то не было.

Мы из леса вышли на опушку, чтобы спастись от духоты. Здесь хоть и припекало солнце, зато ветерок приносил прохладу, а воздух был суше и свежее. Вдруг, уже с той стороны, куда улетели самолеты, послышался гул моторов. Мы увидели, как низко над землей летит наш истребитель. Из крыльев и кабины выскакивали язычки огня, и за хвостом тянулся черный шлейф. Его преследовали два самолета с крестами на крыльях. Через несколько секунд самолеты скрылись за лесом, а затем раздался взрыв. Мы поняли, чем все это кончилось. А со стороны Каунаса продолжали то усиливаться, то ослабевать взрывы.

Мы окружили Бродова и засыпали его вопросами. Он ответил, что это похоже на войну, но точно мы узнаем скоро. Всех командиров подразделений вызвал к себе командир полка. И мы курили, и каждый высказывал свои догадки. Од-

ни говорили, что это, видимо, провокация. Другие, что самый настоящий военный конфликт, который может закончиться и войной. Но большинство считало, что началось то, чего так опасались, – война.

Разговоры прервал лейтенант Рожков. Он прибежал взволнованный. Таким мы его еще не видели. Построил взвод и скомандовал: «За мной бегом – марш!» Мы выбежали на поляну, где уже выстроилась часть подразделений полка.

Когда собрались все, начался митинг. Открыл его старший политрук Неустроев. Он сказал, что гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Сейчас идут ожесточенные бои на всей протяженности границы от Балтийского до Черного морей. Врагу удалось на ряде направлений перейти границу и вклиниться на нашу территорию. Нашей дивизии предстоит встретить врага и дать ему достойный отпор. Он сказал, что только что выступил товарищ Молотов. Старший политрук заключил выступление его словами: «Наше дело-правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Выступавшие на митинге гневно клеймили врага, давали клятву уничтожить его. Было объявлено, что наш особый Прибалтийский военный округ переименован в Прибалтийский фронт.

К вечеру полк снялся с этого места и двинулся дальше, в сторону Каунаса. Ехали медленно, петляли. С наступлени-

ем темноты темпы продвижения полка замедлялись. Шоферы, не умевшие водить машины в темноте, часто въезжали в кюветы, сталкивались машины. Поэтому приходилось много останавливаться и подолгу – стоять. Наконец полк прибыл в назначенное место. Здесь уже стояли вкопанные в землю около дороги противотанковые пушки. Было видно, что артиллеристы приехали задолго до нас и успели подготовиться к бою.

Заняв оборону, мы получили приказ окопаться. Большинство из нас волновало то, что полученных в городке боеприпасов не хватит для хорошего боя. Командиры подразделений успокоили, что к утру полк будет полностью обеспечен всем необходимым. Майор Сидоренко прочитал приказ о присвоении званий сержантов выпускникам школы и сказал, что завтра часть выпускников будет направлена в другие подразделения на должности командиров отделений и помощников командиров взводов. Оставшиеся выпускники в школе будут в качестве отдельной роты воевать в составе второго батальона и одновременно выполнять роль резерва для пополнения младшими командирами других подразделений. Старшина раздал нам знаки отличия – металлические треугольники, покрытые красной эмалью. Мне приказом по полку было присвоено звание сержанта. Обычно выпуск из полковой школы раньше, как рассказывали наши командиры, проходил торжественно, как праздник. У нас он прошел как бы между делом. Это был первый выпуск полковой шко-

лы во время войны. Выпуск сержантов, «которым придется принять первые удары врага.

Что мы представляли тогда из себя как воины? Мы были уверены, что наша армия непобедима. Успехи в создании индустриальных гигантов первых пятилеток, челюскинская эпопея, героические перелеты Чкалова и других летчиков, стахановское движение воспитывали в нас уверенность в том, что нам все по плечу, для нас нет преград. Вся политическая работа того времени порождала в нас жажду подвига. Я хорошо помню встречи с участниками боев на Хасане и Халхин-Голе, которые проводились в школе. Мы с интересом смотрели фильмы „Истребители“, „Суворов“, „Щорс“, „На границе“ и другие, воспевающие боевые подвиги, воспитывающие патриотизм и веру в непобедимость.

В школах того времени и среди рабочей молодежи была развита тяга к спорту, работе в оборонных кружках. Мы с гордостью носили значки ГТО (готов к труду и обороне), „Ворошиловский стрелок“, ПВХО (противовоздушная химическая оборона). Девушки сдавали на значки ГСО (готов к санитарной обороне). Во всех школах действовали оборонные и спортивные кружки.

Конечно, тогда не было таких стадионов, как сейчас, кортов, плавательных бассейнов. Но массовый спорт был в большом почете. Помню, мы сами сооружали спортивные площадки, футбольные поля. Собирали металлолом и другое вторсырье, чтобы приобрести камеру для футбольного мяча.

В те времена это было большим дефицитом.

Любой призыв тогда был сигналом к действию. Так, после призыва „Молодежь, на самолеты!“ у нас почти весь класс пошел в аэроклуб Осоавиахима, но только несколькими счастливым удавалось записаться, и то в парашютный кружок.

Патриотизм, стремление к подвигу поощрялись и в песнях, и в литературе, и в массовых мероприятиях. В середине 30-х годов наш земляк из Кушвы пограничник Баранов был захвачен японцами. Он отбивался от врагов до последнего. Только израненного, потерявшего сознание, его удалось перетащить через границу. Японцы зверски издевались над героем и замучили его до смерти. Во всех областных и местных газетах был описан подвиг Баранова. О нем рассказывали на школьных линейках. Вскоре появилась песня о подвиге героя-пограничника.

А какие песни тогда звучали! Взять хотя бы популярнейшую „Катюшу“, „Каховку“, „Я на подвиг тебя провожала“. Патриотизм, любовь к Родине и призыв к действию – вот что было главной их темой.

Правда, надо сказать и о другой стороне многих песен, особенно на военные темы. Они в большинстве отражали вчерашний день. В них восхвалялась старая военная техника, старый подход к вопросам войны. Например, „Тачанка“, „Винтовка“, которой помогают острой саблей. Чуть ли не самой грозной силой считалась кавалерия. К сожалению, на армию мы часто смотрели с позиций времен гражданской

войны.

Словом, перед вступлением в Великую Отечественную мы приобрели очень много хорошего, что нам помогло выстоять, и в то же время у нас было много ложных, порой наивных представлений о будущей войне. Так, например, мы считали, что все наше оружие лучше, чем у врага, что солдаты из рабочих и крестьян не будут стрелять в воинов Страны Советов, что война будет такой, какой мы ее видели в кинофильме „Если завтра война“. За иллюзии, заблуждения и ошибки нам пришлось платить дорогой ценой, переучиваться на ходу, менять многие представления и убеждения. Вот какими были мы, солдаты, встретившие войну. Да, были среди нас и трусы, и предатели, но это единицы. В целом на защиту страны встал народ, горячо любящий Родину, до конца преданный ей, закаленный в преодолении трудностей, каких немало легло на наши плечи, уверенный в правоте своего дела и в победе. Это все мы старший сержант Бродов, сержант Федоров, майор Сидоренко и другие, то есть миллионы советских людей. Не случайно в газете, выходившей в фашистской Германии, „Фелькишер беобахтер“ появилась статья, в которой говорилось: „Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фанатизм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашной схватке“. (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. – М., 1985. – Т. 2. – С. 141.)

Крещение

Я, свернувшись калачиком, спал на дне ячейки, вырытой в полный рост по всем правилам науки, которую нам преподавал майор Сидоренко. На дно ячейки я постлал березовые ветки, чтобы было мягче. Спал тревожно, часто просыпался, так как духота не спадала и здесь. Вдруг слышу тяжелые шаги и голос помкомвзвода Бродова:

– Аввакумов! Аввакумов! Ты где?

– Здесь, товарищ старший сержант, – высунувшись из окопа, пробормотал я спросонок.

– Вылезай, пойдешь на задание.

Я вылез из окопа со снайперской винтовкой и шинелью, накинутой на плечи, вытащил вещмешок.

– Шинель скатай в скатку, приведи себя в порядок, – оглядев меня, сказал Бродов. Убедившись, что я готов, Бродов качнул головой, что означало: следуй за мной. Пробираясь по тылу обороны полка, мы вышли к лесу, где окопался батальон капитана Левченко. Бродов остановился.

– Вон там, на опушке, штаб. Представись как положено. Там тебе все растолкуют. Задание будет серьезное. Желаю, чтобы все закончилось благополучно. После выполнения встретимся. – Бродов пожал мне руку и быстро исчез в направлении, где школа держала оборону. Это был последний разговор с человеком, которого я так уважал и успел по-

любить, как родного отца. Ни Бродова, ни Федорова, ни Сидоренко мне больше не доведется встретить. Все мои старания после войны узнать о судьбе этих людей остались безрезультатными.

Штаб расположился недалеко от перелеска, на восточном склоне высоты. С нее была видна вся оборона второго батальона. Она тянулась по кромке березового колка, который подковой огибал высоту. Проселок, находившийся под контролем батальона, просматривался на запад на пару километров. Сам штаб представлял из себя небольшой блиндаж, сделанный наспех за ночь. Около него проходила траншея длиной метров десять, очевидно укрытие при артналете. Ну, а самое главное было на поверхности. Несколько толстых пней от сосен здесь использовались как письменные столы. Рядом около телефонной аппаратуры дежурил связист. Тут же скучали полудремавшие связные из рот. Из командиров никого не было, кроме рослого худого лейтенанта, который, подсвечивая карманным фонариком, рассматривал карту. Но за это время так рассвело, что свет фонарика был уже не нужен. Я, щелкнув каблуками, четко, по-уставному представился лейтенанту. Тот лениво, но выразительно махнул рукой. По его жесту можно было понять: „К черту эти уставные формальности“.

– Значит, из полковой. Как самочувствие? Не боишься? Задание-то ведь серьезное... Значит, Аввакумов, – рассматривая мою красноармейскую книжку и сличив ее записи с

бумагой, которая лежала на карте, придавленная камнем, бормотал лейтенант. По его поведению можно было понять, что он вообще не замечает меня и все, что говорит и делает, делает машинально.

Потом он резко встал и хищно взглянул на меня. Я не ожидал, что лейтенант так высок. Если бы мерялись, то я бы, наверное, своим затылком не достал его подбородка, хотя сам высокого роста. Лейтенант стоя задал мне один за другим кучу вопросов, но ответа на них не требовал. Потом, взяв с пня одну бумажку, протянул ее мне.

– Это приказ о назначении тебя в группу разведки. Вручишь лично лейтенанту Егорову. Чеши вот туда, прямо, – показал он в направлении тыла батальона.

– Разрешите идти? – щелкнул я каблуками.

Но лейтенант или не услышал меня, или сделал вид, что не слышит, снова погрузился в изучение карты, только уже без помощи фонарика.

Лейтенант Егоров, бегло прочитав приказ, небрежно сунул его в карман гимнастерки. Как бы между прочим спросил:

– Тебя кто рекомендовал, Бродов?

– Да.

– Мы с ним вместе на финской были. Он меня, обмороженного, километров пять на себе волок, – мимоходом быстро оттарабанил Егоров. И, презрительно посмотрев на мою СВТ, сказал:

– Эту дудоргу положь вон туда, около пирамиды, а в кузове машины возьми автомат и диски. Сдай все документы старшине. Нашему старшине. И принимай третье отделение. Ребята ждут тебя, – словно из пулемета выпалил Егоров и указал на группу бойцов, которые сидели на лужайке, курили и о чем-то болтали. Сам Егоров, словно забыв обо мне, пошел к другой группе бойцов, которые готовили станковые пулеметы.

Я представился отделению. Ребята все были рослые, крепкие. Среди них особо выделялся стройный грузин с небольшими усиками, который назвался Отаром Гривадзе. Он резкими движениями, остротой взгляда и какой-то постоянной напружинистостью напоминал скакового коня. На его лице блуждала озорная улыбка, поблескивали ослепительно белые зубы, черные усики подчеркивали их белизну. Гривадзе внимательно, с озорным и хитрым любопытством осмотрел меня. Было видно, что бойцу не совсем безразлично, насколько удачно им подобрали командира.

Построив отделение в полной боевой выкладке, я скомандовал: „На месте бегом – марш!“ А затем: „Быстрее, выше ногу!“ На лицах бойцов выразилось недоумение, а у Гривадзе в глазах заиграли искорки гнева, но отделение выполняло мои команды.

– Отделение, стой! – скомандовал я, а затем объяснил, что в мешках бренчат патроны, а в сумках стучат диски. Сказал, чтобы бойцы потуже затянули тряпками патроны и сделали

все, чтобы при передвижении не было шума. Недоумение у бойцов рассеялось, а у Гривадзе на лице снова появилась беззубая улыбка.

Повернувшись назад, я увидел, что за моими действиями наблюдает лейтенант Егоров. По выражению лица я понял, что командир доволен тем, что увидел, но сделал вид, что занят своими делами.

К середине дня к месту, где готовились бойцы к разведке боем, подъехали два танка и четыре грузовика. Из кабины автомашины вышел начальник разведки лейтенант Игнатьев. Он по-простецки, за руку, поздоровался с Егоровым. По отношениям командиров было видно, что они хорошо знают друг друга. Пока лейтенанты обсуждали свои дела, мы сгрудились у боевых машин. Это были танки Т-34, которые большинство из нас, в том числе и я, видели впервые, хотя слышали о них немало.

В то время особо популярны были тяжелые танки КВ о них ходили легенды. Говорили, что это бронированные-движущиеся крепости, равных которым нет в мире. Но, как покажет война, мы глубоко ошибались, недооценивая „тридцатьчетверку“. Она-то будет признана лучшим; танком второй мировой войны. Пока танкисты маскировали свои машины, мы ощупывали броню, расспрашивали о возможностях этой боевой техники.

Помощник командира разведвзвода старшина Садыков, появившийся из кустов, предупредил бойцов, чтобы никто

не расходился, что через 15–20 минут будет построение.

– Где командиры? – любопытствовал я.

– Да все спорят. Лейтенант Егоров настаивает, чтобы на каждое отделение выдали по два ручных пулемета, а Игнатьев говорит, что достаточно и одного, – ответил Садыков.

– Ну, и чья взяла?

– Игнатьев уступил Егорову. Хотя он и начальник разведки.

– У Егорова большой боевой опыт, – сказал Садыков и, посмотрев на часы, подал команду:

– Разведвзвод, выходи строиться!

Выстроился разведвзвод на полянке перед березняком, где впритык к деревьям стояли замаскированные автомашины и танки. Садыков доложил Игнатьеву, который подошел с Егоровым и танкистом – младшим лейтенантом Валуевым.

– Вольно. Слушайте боевую задачу, – начал Игнатьев. Говорил он, словно читал доклад. Задача разведки заключалась в том, чтобы наша группа, поддерживаемая танками, определила главное направление движения войск противника и его силы. Метод действия – бой из засады. Сейчас особое внимание мы должны уделить двум дорогам, ведущим на Каунас. Распуская взвод, Игнатьев приказал, чтобы подразделение довооружилось ручными пулеметами.

Выехали мы под вечер, где-то часов в пять-шесть. Впереди нашей колонны шли танки. В первом из них, высунувшись из люка, ехал лейтенант Игнатьев. Двигались по рей-

деру в западном направлении. Кругом стояла мертвая тишина. Вся пыль, поднимаемая гусеницами танков, ложилась на нас, ехавших на грузовиках. Колонну замыкала автомашина, в кузове которой стояли бочки с горючим. Проехав километров 30, мы не встретили ни одного хутора. В сосняке, где дорога почему-то не так пылила, мы увидели впереди щуплого мужичонку с палкой в руке. Услышав шум моторов и гусениц, он остановился на обочине дороги. Головной танк остановился, Игнатьев вылез из башни и о чем-то стал расспрашивать мужичонку. К ним подошел Егоров. Минуты через три-четыре Егоров вернулся с незнакомцем к машине и вместе с ним сел в кузов. Пока мы ехали, Егоров внимательно, с явным неудовольствием осматривал незнакомца и его котомку.

– Что там у тебя? – спросил Егоров мужика.

– Харчи, пане командир, харчи, – вздрогнув, испуганно пролепетал наш попутчик. Проехав сосновый бор, мужичонка растерянно засуетился и с просящим видом обратился к Егорову:

– Пан командир, прошу вас, остановитесь! Там мой хутор. Меня детки ждут, – залепетал он скороговоркой. Егоров пару раз стукнул кулаком по кабине. Машина остановилась, и нашего попутчика словно вынесло из нее. Он торопливо зашагал в сторону густого кустарника, за которым начинался лес. Ехавший на переднем танке Игнатьев, не поняв, в чем дело, остановил колонну и, сойдя с брони, направился к ма-

шине Егорова.

– В чем дело? – спросил Егорова командир машины.

– Попутчик сказал, что там его хутор, – показал Егоров в сторону, где скрылся мужичок. И в это время с опушки леса взлетела красная ракета в сторону, куда вела дорога.

Мы молча проводили взглядом ракету. Егоров схватил у пулеметчика «ручник», заряженный диском, и почти полностью высадил его по тому месту, откуда взлетела ракета. Вернув оружие пулеметчику, он матерно выругался.

– Вот она, бдительность. Говорил, что никого не надо сажать. А мы вот какие добряки! Подвезли себе на шею, – плюнул, ни на кого не глядя, наш командир. Мы поняли, что этот упрек адресован начальнику разведки. Игнатьев направился к головному танку. Через-полчаса колонна остановилась. Командиры отошли в сторону и что-то обсуждали, тыча пальцами в карту. Чувствовалось, что разговор шел на высоких тонах. В это время слышался приближающийся шум самолета. Игнатьев скомандовал, чтобы машины загоняли в лес. Бойцам было приказано укрыться в кустарнике, в стороне от машин.

Недалеко от нас пролетела «рама» – немецкий самолет-разведчик. Он пролетел возле дороги, покрутился над сосняком, который мы миновали минут двадцать назад, и улетел, ничего не обнаружив.

– Видно, кто-то по радиации передал о нашем продвижении. А ракета была условным сигналом, – как бы для себя сказал

Егоров. Игнатьев виновато покосился на своего товарища и дал команду выезжать на дорогу.

К рассвету мы выехали на большак. Командиры сверили по картам местонахождение. По всем признакам это оказалась именно та дорога, по которой мы должны определить силы фашистов,двигающихся в направлении Каунаса. Игнатьев приказал танкистам выбрать позиции фронтом на запад. Автомашины сдали метров на триста от дороги и замаскировались.

По обе стороны дороги, метров на 80-100, было чисто. Дальше начинался кустарник, который постепенно переходил в лес. Егоров по левую сторону дороги расположил два отделения, усилив их тремя расчетами ручных пулеметов и двумя – станковых. Мое отделение, усиленное расчетом ручного пулемета из первого отделения, Егоров расположил по правую сторону дороги. По замыслу командиров мы должны пропустить боевое охранение немецкой колонны. По сигналу «зеленая ракета» танкисты огнем из орудий должны разделить колонну на несколько частей. Мое отделение в это время открывает огонь. Немцы, опомнившись, должны покинуть машины и укрываться на левой стороне дороги, то есть спиной к позициям первого и второго отделений. Тут-то и открывают огонь «станкачи» и «ручники».

Но противник через некоторое время опомнится. Третье отделение может оказаться отрезанным от своих дорог. Поэтому наша задача состояла в том, чтобы вести огонь не

больше 10 минут, а затем ложиной, которая находилась сзади нас метров в 50 и простиралась вдоль дороги, броском достичь седловины, где дорога проходит позади позиций танкистов, пересечь ее, а дальше командиры были намерены использовать отделение согласно обстановке, которая сложится за это время.

Заняв свои рубежи, отделения окопались и замаскировали позиции. С западного направления мы слышали шум моторов. Насторожились, приготовившись к бою. Однако это были четыре наших легких танка Т-26. Игнатьев пытался остановить машины, но они пронеслись мимо, чуть было не подмяли гусеницами начальника разведки. Минуты три спустя в том же направлении проезжали три машины с людьми. Их удалось остановить. В грузовиках в основном были женщины и дети.

Это семьи командиров. От них мы узнали, что немцы недалеко. По дороге движется большая колонна мотопехоты в сопровождении танков, бронетранспортеров и: артиллерии. Предполагалось, что колонна может появиться здесь примерно через полчаса.

Егоров, проверив наши позиции, предупредил, чтобы мы не ввязывались в затяжной бой. Надо посеять у противника панику, создать пробку на дороге. Напомнил, что минут через десять после начала боя следует по ложине броском достичь обратной стороны высоты, пересечь дорогу и – к машинам.

– Промедление может кончиться плохо. Понял? – спросил Егоров и направился на другую сторону дороги. Тут я увидел, что рядом со мной расположился помощник командира взвода старшина Садыков.

«Наверное, Егоров не надеется на меня и решил подстраховать», подумал я.

Не прошло и получаса, как с запада послышался шум моторов. Мы насторожились. Там, где шоссе выходит из леса, показалась группа мотоциклистов. В каждой коляске сидел пулеметчик. Боевое охранение на небольшой скорости проехало открытое место, миновало высотку, напоминающую горб. Минуты две спустя показали три легких танка. Немцы, видимо, не заметили хорошо замаскированную засаду, и танки скрылись-за горбом. Затем показалась основная часть колонны. Впереди шел бронетранспортер, а за ним с интервалом: метров 20–30 ехали автомашины с мотопехотой, между второй и третьей – черная легковая. Немцы в кузовах автомашин осторожно озирались по сторонам.

Вдруг первая машина сбавила скорость. Немцы дали несколько очередей по сторонам, и колонна снова двинулась. Автоматные очереди срезали вершины кустарника, за которым притаилось наше отделение. Нам на голову сыпануло срезанными листьями и ветками.

И вот взвилась зеленая ракета. Первый снаряд «тридцатьчетверки» зажег бронетранспортер. Другой поднял на дыбы автомашину и поставил поперек дороги, следующая за ней

машина уткнулась в кювет. Немцы стали прыгать из автомашин и разбегаться в разные стороны. Еще не показалась красная ракета, как отделение, находящееся на противоположной стороне дороги, открыло огонь из всего оружия, каким располагало.

Как после выяснилось, это отклонение от принятого плана случилось потому, что кустарник, в котором завели первое и второе отделения, находился от дороги метрах в тридцати. Когда ударили орудия наших танков, немцы бросились к кустам и могли смять засевших там бойцов. Поэтому им пришлось не медля, почти в упор расстреливать врагов. Некоторые из них стали прыгать в противоположную сторону, то есть к нам. Но поскольку мы были дальше от дороги, нам не грозило такое. Я вначале намеревался дать команду «Огонь!», когда немцы приблизятся к нам метров на полсотни, но не выдержал, скомандовал раньше и одновременно нажал на спусковой крючок автомата, когда немцы еще не дошли до вешек, обозначающих 70 метров, которые я поставил, чтобы бойцы могли лучше пользоваться прицельной рамкой.

Встретив огонь, немцы заметались, но потом опомнились, залегли и стали отвечать нам огнем. Наши танки из своих орудий били по колонне. Горело несколько машин, в том числе и легковой автомобиль, который валялся вверх колесами в кювете. Не то я растерялся, не то увлекся боем и позабыл, что должен командовать отделением. Метрах в соро-

ка от меня выскочили трое немцев и, стреляя на ходу, бежали на меня. Я дал две короткие очереди. Только один из них остановился и, скрючившись, уткнулся в землю. Я думал, что мне пришел конец. Но тут же мой сосед с ручным пулеметом скосил их. Я израсходовал два диска и убедился, что мой огонь не очень-то эффективный. По отдельным фашистам приходилось давать по три очереди, прежде чем уложить их. Тут у меня мелькнула мысль: а как прав был Егоров, который настоял на том, чтобы каждое отделение усилить добавочным ручным пулеметом.

После того как мы отбили нападавших на нас немцев, наступило непонятное затишье, прерываемое отдельными выстрелами и очередями. Что это означало, выяснилось потом. Опомнившись и оценив обстановку, противник понял, что в засаде не так уж много сил. Уцелевшие фашисты помаленьку стали сбиваться в свои подразделения и постарались атаковать нас, постепенно приближаясь к нашей засаде. На опушку леса немцы вытащили несколько орудий, которые, кстати, вовремя заметили наши танкисты. Это помогло быстро подавить, пушки противника. Но и наш орудийный огонь стал жиже: у одной «тридцатьчетверки» заклинило пушку. Чувствовалось, что обстановка резко меняется.

Кто-то рукой стукнул меня по плечу. Я повернулся. Это Садыков подполз и, показав на часы, дал понять, что время давно вышло, надо срочно уходить. Я словно проснулся и снова почувствовал себя командиром отделения. Что есть

силы крикнул: «Отделение, отходить!» И мы все бросились назад, к лощине. В это время группа немцев рванулась отсекать нам отход к холму, за которым мы должны были пересечь дорогу. Еще одна группа окружала нас с другого фланга. Но тут фланговый пулеметный огонь из танка с заклиненной пушкой отсек обе группы от наших позиций и заставил противника залечь. Не знаю, с какой скоростью мы бежали. Помню одно: мчались, не обегая кустов и не чувствуя, как ветки били по лицу. Только в машине я стал понимать что к чему.

Колонна наших автомашин отъехала назад от грейдера километров семь, свернула в лес. Лейтенант Егоров приказал заглушить машины. Мы стали ждать танки. Вскоре появились и они. Из люка поврежденного танка выскочил лейтенант Игнатьев, а за ним младший лейтенант Валуйев с перевязанной рукой. Мы подумали, что он ранен. Оказалось, что командир танкистов при попытке восстановить работоспособность поворотного механизма пушки сильно поцарапал руку.

Настроение у бойцов и командиров было подавленное: четверо убиты, один тяжело и трое других легко ранены. Командиры собрались около танка и стали обсуждать, что делать дальше.

– Главная задача нами выполнена. Выполнение второй, как приказано, зависит от обстоятельств. Что будем делать? – обратился к командирам Игнатьев.

– Выполнять вторую. Силы для этого есть, – словно мимоходом скороговоркой пробурчал Егоров. Игнатьев сказал, что думает так же.

Подложив под листок бумаги планшетку, он стал писать донесение. По мнению командиров, в колонне двигалось не менее полка мотопехоты, усиленной подразделениями танков и артиллерии.

– Сколько мы уложили немцев и техники? – снова обратился Игнатьев к командиру.

– А кто считал сколько и когда было считать? – язвительно заметил Егоров.

– Ну хотя бы приблизительно, – настаивал Игнатьев.

– На той стороне дороги, где действовали первое и второе отделения, все усеяно трупами противника. В зоне действия третьего отделения – высокая трава, там и приблизительно не прикинешь. Ну а тех, кого снаряды и пули застали в машинах, поди посчитай! – рассуждал Егоров.

– Ну хотя бы приблизительно, – повторял Игнатьев.

– С убитыми и ранеными человек 120–130 будет.

Ведь почти в упор били, – вступил в разговор Валуев. Сошлись на том, что не давать цифр и написать, что уничтожена почти рота противника. О потерях немцев в технике тоже написали приблизительно. Зато свои потери были в донесении точными. Правда, Валуев настоял, чтобы его убрали из числа раненых.

– Это не рана, а царапина. Не от пули же она, не от оскол-

ков, доказывал Валуев.

Игнатьев приказал дозаправить горючим танки и автомашины. Пустые бочки выкинули из кузова. Командир разведки отдал пакет с донесением шоферу и приказал той же дорогой возвращаться в полк. С этой же машиной отправили двух автоматчиков и тяжело раненного бойца.

На краю поляны, подле трех больших сосен, бойцы заканчивали рыть могилу. Сюда на самодельных носилках принесли убитых. Носилки поставили рядом. Около одних на корточках плакал боец. Он сгонял пилоткой мух, которые назойливо осаждали лицо убитого.

— По земляку парень убивается. Из одной деревни, вместе взятые, услышал я сзади голос Гривадзе.

К убитым подошел невысокий коренастый боец, закрыл полуоткрытые глаза погибших и положил на них медные монеты. Игнатьев построил разведку. Команды он подавал вполголоса. Он кивнул головой бойцам, что принесли убитых. Вынул пистолет. Это же сделали другие командиры. Мертвых опустили в могилу, накрыли шинелями. Бойцы поодиночке прошли цепочкой мимо могилы, бросая в нее по горсти земли.

Игнатьев рукавом вытер слезы. Я, стараясь не показать своей слабости, через силу удерживался от слез.

— Простите нас, товарищи, если мы сделали что-то не так, не совсем по обычаю. Нас этому не учили. Спасибо вам за то, что вы храбро дрались за свою землю.

Пусть она будем вам пухом. Мы за вас отомстим врагу, — сказал Игнатъев.

Он еще что-то хотел добавить, но не мог, горе душило его, и он захлебывался. Командиры сделали три выстрела из пиштолетов. Танкисты вырубili зубилом из железной пластины звезду, прикрепили ее к колышку, а Игнатъев химическим карандашом написал на затесанном месте фамилии и имена погибших, годы их рождения и дату гибели.

Прощание с товарищами на всех произвело тяжелое впечатление. Каждый думал, наверное, одно: кому следующему уготовит война такую кончину, сколько еще будет разбросано по стране таких скромных могилок, а сколько их затеряется навсегда? Ведь война только начинается. Нет, наверное, нет ничего страшнее неизвестности, неведения того, что с тобой будет сегодня, завтра.

Через полчаса после прощания с погибшими Игнатъев дал команду: «По машинам!» Наша колонна двинулась выполнять вторую часть своей задачи. Дорога, на которой нам предстояло установить продвижение сил противника, была изрыта гусеницами танков. На взрыхленном песке четко вырисовывались следы колес автомашин. В том месте, где мы выехали, была тишина. Видимо, немецкие части прошли по дороге давненько, и поэтому не было слышно ни шума моторов, ни голосов.

Наши командиры решили и здесь сделать засаду. На этот раз мы расположились по одну сторону дороги, там, где

проселок перпендикулярно пересекает ее. Решили отрубить хвост вражеской колонны, уничтожить-его в коротком бою и прорваться к своим. Для этого метрах в трехстах западнее оставили двух бойцов. Они замаскировались и должны были наблюдать за ходом колонны. Когда хвост ее сравняется с ними, они дадут знать зеленой ракетой, а сами побегут к месту сбора.

Там, где предполагалось дать противнику бой из засады, с противоположной стороны к шоссе вплотную подходил лес, а с нашей стороны простиралась ровная поляна метрах в пятидесяти от дороги до леса. Поляна тянулась метров на сто вдоль шоссе. Мы подготовились к бою и ждали.

Прошло три часа, а на дороге ни души. Тишина стояла такая, будто все кругом вымерло. Солнце уже садилось, и вдруг мы услышали приближающийся шум техники. Пропустили боевое охранение. Проехали танки, мотопехота, несколько машин, везущих пушки, минометные подразделения. Уже стало надоедать смотреть «а эту вражескую мощь. Но вот начали появляться штабные машины, летучки, полевые кухни. Мы поняли, что где-то рядом конец колонны. Со стороны нашего поста в небо взвилась ракета. В это время из леса выскочили наши танки. Один из пулемета, другой из орудия стали громить противника. Стрелковые отделения открыли огонь. Мне он показался таким густым, что из-под него едва ли кому удастся уйти живым. Немцы не оказывали сопротивления, а укрывались в лесу, изредка огрызаясь автомат-

ными очередями. Это длилось минут пять. После этого сначала на лес, где укрывались немцы, затем на дорогу, а потом и на нас обрушились мины. Нам была дана команда сосредоточиваться на пункте сбора. Минуя бросками полосу огня, мы добежали к месту, где нас ждали автомашины с работающими моторами. Если, когда мы ехали туда в кузове, было тесновато, то сейчас в машинах было довольно просторно. Подождав три минуты, наша колонна двинулась назад. Через пять километров мы остановились, чтобы дожидаться танков. Они появились только через двадцать минут. Танкисты привезли троих раненых. Среди них и лейтенант Егоров. Он тяжело стонал. Санинструктор разорвал гимнастерку, и мы увидели на груди широкую кровоточащую рану. Как рассказали танкисты, Егорова они подобрали при отходе. Он помогал идти раненому бойцу. Но рядом разорвалась мина. Бойца, которого поддерживал Егоров, сразу сразило насмерть, а лейтенанта ранило. По описаниям танкистов, сраженным бойцом был Гривадзе.

К утру разведка была уже в полку. Егорова довели мертвым. Он скончался в тяжелых муках на руках у санинструктора.

Выгрузившись из машин, мы хотели было расходиться по своим подразделениям, но лейтенант Игнатьев потребовал до особого распоряжения оставаться на месте. Сам он пошел в штаб. После доклада о результатах разведки Игнатьев построил тех, кто вернулся. Нас стало вдвое меньше, чем было,

когда только собирались на задание. Игнатьев передал нам от командования полка благодарность за выполнение поставленной задачи. Он сказал, что все мы остаемся в специальном разведподразделении, которое вскоре будет пополнено. Затем мы распрощались с лейтенантом Егоровым и еще одним бойцом, который тоже скончался в дороге, отдав им последние почести. Я несколько раз пытался вырваться в расположение школы, чтобы встретиться со своими товарищами, но обстоятельства складывались так, что все было некогда, а где-то в полдень меня свалил сон, и я вместе с другими разведчиками замертво заснул в кузове машины. Старшине Садыкову стоило большого труда растолкать нас.

– Вставайте, вставайте, надо готовиться в дорогу, – каждого в отдельности тряс он.

Командир разведки, построив нас, еще раз поблагодарил за службу и представил нам старшего лейтенанта Семенкина, который, как сказал Игнатьев, отныне будет командовать разведкой полка вместо него. Лейтенант сообщил, что ему приказано принять роту в первом батальоне. Вместо Егорова командиром взвода назначили младшего лейтенанта Сажина. Он был небольшого роста, рыжий, с лицом, густо усеянным веснушками. Вид его вызвал недоумение у бойцов: как это понять, что командовать разведвзводом поручено ему, такому внешне невзрачному командиру? Это понял Семенкин, которому Сажин был по плечу, и, обратившись к бойцам, сказал:

– Младший лейтенант Сажин участвовал в боях на Халхин-Голе, опытный разведчик, не раз с бойцами пробирался в тыл к японцам, за храбрость и боевые дела награжден орденом Красного Знамени.

Такое пояснение было необходимо. Первоначальное скептическое отношение бойцов к командиру сразу же изменилось. Они с любопытством и уважением стали приглядываться к Сажину.

Бой за станцией

Во второй половине дня 24 июня наш полк покинул оборону и отдельными колоннами направился в северо-восточном направлении. Батальоны шли медленно и осторожно. Причиной этому была не жара, а опасность попасть под обработку штурмовиков и бомбардировщиков противника. Силу их удара полк испытал еще утром, до нашего возвращения из разведки. Шли мы по балкам, оврагам и густым зарослям кустарников, по перелескам, обходя открытые равнины и поля с созревающими хлебами. Прошло лишь два дня войны, а отступление почти без боев, казалось, тянулось вечность. Но мы не теряли надежду на крутой поворот в войне, не верили, что нас можно победить.

– Упустили наши генералы выгодный момент. Надо было ударить по немцам сразу, тогда, когда они сунулись к нам. На марше их крошить надо было. А сейчас они на хвост нам наступили. Когда еще оторвемся и развернемся для удара? – рассуждал сержант Юсупов, с которым я шел рядом.

– То, что мы дадим жару фашистам, сомнения быть не может. Но когда? ответил я ему.

Дальше мы шли молча, погруженные в невеселые думы. Вывела нас из этого состояния команда „Ложись!“. Ее заглушил свист летящего снаряда. Взвод бросился в разные стороны в тот момент, когда снаряд разорвался впереди колон-

ны. Второй снаряд сделал перелет, а третий разорвался в середине колонны. Снаряды посыпались как горох, поднимая столбы пыли, дыма и огня. Затем огонь был перенесен на лесок, в который уже вошла часть головной колонны.

Когда огненный вал переместился за балку, на дорогу вышел обоз пароконных повозок. И тотчас же огонь противника был перенесен на обоз. Ошалевшие лошади шарахались в стороны, рвали построения. Даже рослый березняк не мог остановить их. Кое-кому, галопом удалось выскочить из этого ада. Около меня резко остановилась повозка. Раненая лошадь, подгоняемая ошалевшим ездовым, сумела пробежать метров двести и рухнула на землю. Ездовой с пышными усами прыгнул с повозки, подскочил к животному. На глазах у лошади были слезы. Она словно просила помощи у ездового. Он растерялся и тоже плакал, глядя на верного друга.

– Ложись! Ложись! – крикнул я ему.

Только через несколько секунд он опомнился, прыгнул в сторону и упал на землю.

Когда огонь прекратился, мы помогли ездовым собрать уцелевших лошадей с повозками и двинулись дальше, туда, где предполагалась встреча с противником. К середине ночи мы вышли к железнодорожному разъезду, вокруг которого горели жилые дома. Пламя хорошо высвечивало поселок. Перейдя по плотине речку, которая дальше текла вдоль железнодорожного полотна, полк остановился в лесу. Впереди слышались разрывы снарядов, а небо непрерывно, освеще-

щалось ракетами. Получив приказ, стрелковые батальоны выдвинулись вперед и заняли оборону. Она проходила по опушке леса, пересекая железнодорожную насыпь и левым флангом упираясь в речку, которую мы перешли. Около нашего окопа появился младший лейтенант Сажин.

– Аввакумов, сколько у тебя в отделении бойцов? спросил он.

– Семь, – ответил я.

– Забирай всех и быстро в штаб полка для обеспечения безопасности и связи с батальонами. Чеши, – махнул он рукой в сторону обороны первого батальона.

Штаб полка разместился на левом фланге первого батальона, в сотне метров от. переднего края обороны. Когда мы подошли туда, связисты суетились, спеша наладить связь, а саперы рыли траншеи. Командир полка подполковник Ивановский ставил задачу командирам подразделений. Они получали указания и тут же спешили на свои участки обороны. Из обрывков разговоров, какие я услышал, можно было представить, что полк сегодня же будет наступать совместно с другими частями дивизии. Наступление второго батальона, занимающего левый край обороны полка, должна поддерживать рота легких танков. Бои должны завершиться к вечеру взятием населенного пункта за рекой.

– Вопросы есть? – обратился Ивановский к комбатам.

– Приказ ясен, только патронов и гранат маловато. До наступления остается всего ничего, а танков не видно, – по-

смотря на часы, сказал комбат Левченко.

– Сейчас вам патронов и гранат немного подкинут, а вот танки меня самого волнуют. Наберитесь терпения. В запасе еще полтора часа, – ответил Ивановский, хотя по его лицу можно было понять, что он потерял всякие надежды на танковую поддержку.

В шесть часов пятьдесят минут началась артподготовка к наступлению. Но она была настолько слаба, что не могла причинить особого вреда противнику, зато насторожила немцев. Взвились вверх зеленые ракеты. Первым покинул окопы батальон капитана Левченко. Мы, находясь подле командного пункта командира полка, хорошо видели, как роты в одно мгновение скатились по крутому склону высоты и по открытому полю по-пластунски и короткими перебежками быстро продвигались к реке. Подразделения 'без потерь быстро прошли половину равнины, а дальше их встретил густой огонь пулеметов и автоматов. Высокая луговая трава брызнула зеленью. Но огонь был еще малоприцельным, и бойцы продолжали выдвигаться на рубеж атаки. До немцев оставалось метров триста, не более. Казалось, что вот подтянутся последние и, поднявшись в атаку, батальон смахнет противника в реку, на его плечах ворвется на противоположный берег реки и там уничтожит врага.

Но произошло неожиданное. Послышался свист снарядов и завывание мин. А затем все потонуло в сплошном гуле разрывов. Оказалось, что немцы хорошо пристреляли этот уча-

сток. После перелета первых снарядов вторые попадали прямо в подразделения батальона. Подразделения вернулись на исходные рубежи, оставив на поле боя много убитых и раненых. Там, где был зеленый луг, дымилась развороченная земля.

Наблюдая эту картину, подполковник Ивановский растерялся. Он заметно ссутулился, потеряв былую выправку, и как будто больше поседел и выглядел беспомощно. Через несколько минут командир полка обрел былую уверенность и попросил телефониста связаться с капитаном Левченко.

– Со вторым батальоном нет связи. Обрыв на линии, – ответил за телефониста лейтенант Орлов.

– Тогда сам иди к Левченко, выясни обстановку и немедленно назад, приказал Ивановский.

Батальоны трижды атаковали немцев. Казалось, вот-вот достигнут цели, но в решающий момент не выдерживали огня противника и откатывались назад, на исходные позиции. Хотя второй батальон капитана Левченко нес самые большие потери и находился в невыгодном положении, его подразделения имели значительный успех. Четвертая рота захватила мост через реку, вышла на левый берег, но дальше продвинуться не могла. Немцы оттеснили подразделения батальона, находящиеся правее моста, создав угрозу окружения и уничтожения четвертой роты. Пришлось оставить левый берег и мост.

Но подполковник Ивановский не терял надежды выпол-

нить поставленную перед частью задачу. После возвращения и доклада лейтенанта Орлова он направил против врага все свои резервы на участок, занимаемый вторым батальоном. Командир полка, видимо, рассчитывал здесь прорвать фронт и этим облегчить положение других батальонов.

При отходе с рубежа атаки на исходные позиции группа бойцов бросилась бежать через чистое поле к лесу. Подполковник Ивановский одним прыжком выскочил из траншеи и бросился наперерез убегающим.

– Стойте! Куда? Трусы! Расстреляю! – кричал он, размахивая пистолетом. Бежавший впереди высокий боец остановился как вкопанный, несколько секунд, недоумевая, смотрел на Ивановского. А затем, повернувшись назад, махнул рукой и крикнул: „За мной, ребята!“ Вся группа бойцов побежала обратно, туда, где рвались снаряды и мины.

В то время, когда Ивановский заворачивал дрогнувший взвод, на НП полка прибыл начальник штаба полковник Терещенко в сопровождении группы командиров.

– Что тут у вас происходит, подполковник? – строго спросил Терещенко Ивановского.

– Испугавшихся бойцов поворачивал, – ответил Ивановский.

– Не бойцов, а трусов, – поправил Терещенко. – После боя нужно разобраться во всем и наказать.

Не слушая Терещенко, Ивановский вплотную подошел к начальнику штаба и почти в ухо закричал:

– Танки, где танки? Когда подойдут танки, когда? Без них же всех людей уложу.

Терещенко отрешенно посмотрел на Ивановского и тихо сказал:

– Танков не ждите. Артиллерийской поддержки сегодня не будет. Но немцев надо прогнать на левый берег. Рассчитывайте на свои силы. – И группа во главе с Терещенко удалилась к машинам, на которых приехала сюда.

Наблюдая эту картину, мы, связные штаба и связисты, понимали, что полк находится в критическом положении и помощи ждать неоткуда...

Лейтенант Орлов связался с командирами батальонов и передал по телефону приказ о подготовке к наступлению. Ивановский взад-вперед прохаживался по траншее на своем НП. По его лицу было видно, что он не верит в успех наступления. Артиллерийский и минометный обстрел наших позиций все усиливался. Батальоны несли большие потери. Из штаба дивизии прибыл лейтенант. Он доставил Ивановскому пакет. Прочитав его, Ивановский позвал начальника штаба майора Удалова.

– На правом фланге обороны дивизии немцы вклинились вглубь на два километра и продолжают продвигаться вперед. Полку грозит окружение. Приказано отводить полк к реке Вилии, – сказал с облегчением Ивановский.

Приказ об отходе передавали через посыльных, так как телефонной связи не было. Мне было приказано доставить

пакет в третий батальон и сразу же возвращаться назад.

Комбата третьего я застал в траншее на высоте, которую удерживала рота лейтенанта Сибирцева. Немцы около десятка раз атаковали ее, но взять не могли. Интерес противника к этой высоте был не случаен. С нее обозревалась и обстреливалась вся долина перед обороной батальона. Комбат, прочитав приказ, заключил:

– Поздновато решили. Немцы готовятся к очередной атаке. Отобьем ее и тогда отходить начнем.

Я было направился назад в штаб полка; Лейтенант Сибирцев остановил меня:

– Сейчас немцы начнут атаку, тебе лучше переждать. Я пытался доказать, что сумею пробраться в штаб, но лейтенант был неумолим. Он грубо оборвал меня и сказал:

– Ты здесь полезнее будешь. Вот займи место там. Твой автомат сейчас в самый раз пригодится. Сибирцев показал кивком головы на соседнюю ячейку рядом с ячейкой, где находились два бойца с ручным пулеметом.

Я не стал возражать и приготовился к бою. Оглядел склон высоты. Он был усеян трупами немецких солдат. И, поднявшись из-за кустарника, к высоте направилась цепь гитлеровцев.

– Без команды огонь не открывать. Берегите патроны, – пронеслась команда Сибирцева.

Как только немцы подошли к подножию высоты и торопливо устремились вперед, бойцы роты открыли огонь. Высо-

кий офицер, который вел в атаку цепь, вздрогнул, покачнулся и свалился на землю. Атакующие залегли, а затем стали медленно отползать назад. По высоте ударили минометы. Большинство мин падало в, цель, выводило из строя бойцов. Осколком ранило и Сибирцева. Сержант из его роты предложил командиру направиться в тыл. Сибирцев оборвал его: – Никаких тылов. Перевязывай здесь.

Как только смолк разрыв мин, немцы снова стали штурмовать высоту. Во время обстрела к ним подошло подкрепление. Цепи были гуще. Сибирцев скомандовал: „Огонь!“ Но пулеметы молчали. Пулеметчик в ячейке рядом со мной был убит. Второго номера не оказалось на месте. Я отодвинул убитого и, зарядив новый диск, стал поливать наступающих длинными очередями. Через несколько минут заговорил станковый пулемет слева. Стрелял Сибирцев, а ленты заправлял тот сержант, что перевязывал ему руку. Немцы, несмотря на большие потери и плотный огонь, упорно лезли вперед по склону высоты. Сибирцев скомандовал: „Приготовить гранаты!“ Немцы, приблизившись к нашим траншеям на тридцать шагов, стали срывать с ремней гранаты. Но рота Сибирцева опередила их. Плотная стена взрывов, а за ней другая остановили противника. Фашисты дрогнули и покатились назад. Наши вслед поливали их из пулемета и автоматов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.